

Содержание

Предисловие	5
Введение. Опыт XX века. Югославно-советские отношения (1918–1991 гг.)	12

I. АЛЪЯНС (1945–1948 гг.)

Глава 1. СССР и политика югославских коммунистов по отношению к Албании (1941–1945 гг.)	45
Глава 2. Албания и югославские планы создания Балканской федерации после Второй мировой войны.....	71
Глава 3. Советский Союз, Албания и югославно-греческие отношения (1944–1949 гг.). Почему Югославия прекратила помогать греческим партизанам	102

II. КОНФЛИКТ (1948–1956 гг.)

Глава 4. Советско-югославский конфликт и укрепление советского влияния в Албании (1948–1953 гг.)	125
Глава 5. Национальная карта в политической игре: албанское население Югославии и советско-югославский конфликт (1948–1956 гг.)	149
Глава 6. Сближение Югославии с Западом и международное положение Албании (1951–1955 гг.).....	169

III. НОРМАЛИЗАЦИЯ, РАЗНОГЛАСИЯ И ПОПЫТКИ ПРИМИРЕНИЯ (1956–1968 гг.)

Глава 7. Советский Союз и югославно-албанские отношения (1956–1961 гг.)	199
Глава 8. СССР, Югославия, Албания и потрясения в социалистическом содружестве (1959–1961 гг.)	225
Глава 9. СССР, Югославия и Албания перед вызовами кризиса 1968 г.	242
Заключение	269
Список сокращений	281
Список иллюстраций	285
Summary	286

Contents

Foreword	5
Introduction. The experience of the twentieth century. Yugoslav-Soviet relations (1918–1991)	12
I. THE ALLIANCE (1945–1948)	
Chapter 1. The USSR and the Yugoslav Communists' policy towards Albania (1941–1945)	45
Chapter 2. Albania and the Yugoslav plans for a Balkan federation after World War Two	71
Chapter 3. The Soviet Union, Albania and Yugoslav-Greek relations (1944–1949). Why Yugoslavia stopped helping the Greek partisans	102
II. THE CONFLICT (1948–1956)	
Chapter 4. The Soviet-Yugoslav conflict and the consolidation of Soviet influence in Albania (1948–1953)	125
Chapter 5. The national card in a political game: the Albanian population of Yugoslavia and the Soviet-Yugoslav conflict (1948–1956)	149
Chapter 6. Yugoslavia's rapprochement with the West and Albania's international situation (1951–1955)	169
III. NORMALISATION, DISAGREEMENTS, AND RECONCILIATION ATTEMPTS (1956–1968)	
Chapter 7. The Soviet Union and The Yugoslav-Albanian Relations (1956–1961)	199
Chapter 8. The USSR, Yugoslavia, Albania and the Upheavals in the Socialist Commonwealth (1959–1961)	225
Chapter 9. The USSR, Yugoslavia, and Albania facing the challenges of the 1968 Crisis	242
Conclusion	269
List of abbreviations	281
List of illustrations	285
Summary	286

Предисловие

В период с 1945 по 1968 г. югославско-албанские отношения прошли несколько этапов, отмеченных различными формами как сотрудничества, так и идеологического противостояния. Обе стороны по-разному воспринимали друг друга, взаимные отношения и перспективы их развития, с одной стороны, и роль великих держав в мировых делах, их влияние на отношения между Белградом и Тираной, с другой. Несмотря на бремя многолетних конфликтов и столкновений, на ограничения, обусловленные политикой великих держав, мерявших силами на Балканах, отношения между Югославией и Албанией благодаря сотрудничеству югославских и албанских коммунистов в ходе Второй мировой войны приобрели после ее окончания особый характер. Несмотря на то что тесные связи двух коммунистических партий обусловили близкие межгосударственные отношения Тираны и Белграда после 1945 г., предшествующие десятилетия противоборств и разногласий оказали влияние на сохранение ряда непростых проблем, актуальность которых в последующем оказалась предопределена корреляцией противоречивого исторического опыта и недавних в тот момент процессов на Балканах в годы Второй мировой войны и их результатов. Это поставило перед историками ряд вопросов, на которые мы попытаемся дать ответы далее. А именно: *насколько этот исторический опыт оказал влияние на достижение взаимного доверия в существенно изменившихся исторических условиях после окончания войны; влиял ли опыт многочисленных представителей прежней сербской и югославской политической и военной элит на позицию новых послевоенных государственных элит; если да, то в какой мере; как удалось абстрагироваться от еще свежих воспоминаний о роли, которую значительная часть албанского народа сыграла во время*

германского и итальянского оккупационных режимов на территории Югославии; как представители Коммунистической партии Югославии оценивали Албанию, ее роль в международных отношениях, а также албанский вопрос на Балканах; какое влияние — по интенсивности и по сути — оказывали великие державы, прежде всего Советский Союз, на динамику и направление развития югославо-албанских отношений в конце войны и в первые годы после нее; как Запад оценивал рост влияния югославских коммунистов в Албании в конце войны и каким образом оно определило направления последующего военного и политического доминирования Югославии в период формирования межблокового противостояния на Балканах?

Первые послевоенные годы были отмечены не просто дружественными отношениями между двумя государствами, но и всесторонней помощью, которую Югославия оказывала Албании в политической, военной и культурно-просветительской сферах. В годы войны и в Албании, и в Югославии коммунистические партии обеих стран, уже во время сопротивления оккупантам и после победы над ними, установили политическую гегемонию, заняв командные высоты в своих странах. Несомненное сходство революционных перемен, начатых коммунистами в обеих странах еще во время Второй мировой войны и совершенных военными методами, свидетельствует о высокой степени предшествующего влияния югославских коммунистов на процесс основания и развития албанской компартии, а также ее трансформации в единственную реальную политическую силу в своей стране. Об этом свидетельствуют также и конфронтация Югославии и Албании с западными державами, югославо-болгарские переговоры о создании Балканской федерации и сближение Югославии с Советским Союзом. Москва, согласившись с тем, что Албания является сферой интересов Югославии, не препятствовала и тому, что ее партийное и государственное руководство оказывало влияние на развитие албанского государства и общества. Послевоенные события в свое время поставили новые вопросы перед международным сообществом и балканскими странами. Теперь же они стоят перед современными историками: *как великие державы относились к идее создания Балканской федерации; в какой мере и каким образом гражданская*

война в Греции угрожала безопасности албанских границ и как эти события повлияли на рост югославского политического и военного присутствия в этой стране; каким образом начало холодной войны сказалось на международном положении Албании и югославском политическом покровительстве над ней?

Установление прямых контактов между советским и албанским партийным руководством летом 1947 г. знаменовало усиление советского влияния на Албанию и пропорциональное ослабление югославского присутствия. Кризис югославно-албанских политических, военных и экономических отношений наложил отпечаток и на комплекс проблем, ставших причиной конфликта, разразившегося между Югославией и СССР летом 1948 г., обострившего традиционные, но в те годы латентные, югославно-албанские противоречия. *Каким же образом советское влияние на Албанию пришло на смену югославскому? Как это сказалось на югославно-албанских отношениях? Преследовала ли Югославия свои интересы в Албании, вмешиваясь в ход гражданской войны в Греции? Где проходила граница между помощью Албании со стороны Югославии и естественным стремлением последней к гегемонии в отношении соседнего государства? Каковы причины югославно-албанского конфликта и как они накапливались на всем протяжении времени, пока существовал их союз?* На эти вопросы мы хотим дать ответ в этой книге.

Годы конфликта Югославии со сплотившимися вокруг Советского Союза странами были отмечены постоянной напряженностью на границе, политическими столкновениями, взаимными обвинениями, югославским сближением с Западом, разрывом регулярных дипломатических связей с Тираной и ее новыми попытками поставить вопрос о положении албанского меньшинства в Югославии. В связи с этим следует разобраться в еще одной группе вопросов: *как же югославно-албанский конфликт вышел из тени; стала ли роль СССР в ослаблении и полном развале югославно-албанского союза первых послевоенных лет решающей; какова роль Албании в югославно-советском конфликте; насколько она значима; как связан конфликт между двумя государствами с попыткой поднять вопрос о положении албанского меньшинства в Югославии; как новые союзники Белграда на Балканах — Турция и особенно*

Греция — оценивали место и роль Албании в возможном глобальном конфликте Запада с СССР и его союзниками; как албанское государственное и партийное руководство относилось к сближению Югославии с Западом?

Уровень югославо-албанских отношений не изменился вследствие югославо-советской нормализации, наступившей после 1955 г. Усилия по сближению двух балканских государств оказались безрезультатными. Венгерская революция 1956 г. и последовавший второй югославо-советский конфликт углубили пропасть между Югославией и Албанией. В связи с этим появляется еще одна группа вопросов: *почему провалились попытки нормализации двусторонних отношений между Белградом и Тираной; как Албания оценивала вектор нормализации отношений между Югославией и социалистическим лагерем во главе с Советским Союзом; влияли ли попытки югославо-албанского сближения на интенсивность эскалации албанского вопроса в Югославии в новых условиях; опасалась ли Тирана возвращения и наращивания югославского присутствия в своей стране в контексте улучшения албанско-советских отношений; была ли готова албанская партийная элита приспособливаться к политическим изменениям в СССР?*

Постепенное отдаление Югославии от обеих сверхдержав и военно-политических союзов, а также ее неспешное сближение со странами третьего мира, с одной стороны, и упорная приверженность албанского руководства закостеневшим идеологическим догмам, с другой, предопределили дальнейшее взаимное отдаление, возникновение новых идеологических, политических, межэтнических противоречий и, в частности, очередное обострение албанского вопроса в Югославии. Повторная советско-югославская нормализация совпала с советско-албанским конфликтом, расхождением между СССР и Китаем и, как следствие, сближением КНР с НРА. Установление близких связей между Пекином и Тираной знаменовало начало нового этапа югославо-албанских отношений, который характеризовался обострением межгосударственного и межпартийного противостояния, а также прекращением советского политического, экономического и военного присутствия в Албании, что не только открыло следующую главу в югославо-албан-

ских отношениях, но и обусловило иной расклад сил на Балканском полуострове и в рамках коммунистического лагеря. И перед историком снова встают важные вопросы: *каково значение югославского фактора в формировании албанского внешнеполитического курса; опасалось ли албанское руководство усиления роли Югославии в регионе; в чем причины ухудшения двусторонних отношений; усугубил ли второй югославско-советский конфликт негативное отношение албанских коммунистов к Югославии; в какой мере отрицательное отношение руководства КПК к югославскому внешнеполитическому курсу повлияло на ухудшение югославско-албанских отношений?*

Вышеописанный подход к изучению феномена советского влияния на югославско-албанские отношения лег в основу этой книги, названной нами «„Балканский фронт“ холодной войны. СССР и югославско-албанские отношения. 1945–1968 гг.». Ее структура предопределена закономерностями переломной исторической эпохи, через которую прошли отношения Югославии и Албании и в течение которой СССР, как одна из ведущих мировых держав и лидер «международного рабочего движения», по-разному оценивал роль Балкан в международных отношениях и вследствие этого по-разному формулировал свой подход к странам региона. Первая часть — «Альянс (1945–1948 гг.)» рассматривает период, отмеченный интенсивным югославско-албанским сотрудничеством и одновременно определяющим советским влиянием на ситуацию в Югославии в первые послевоенные годы. «Конфликт (1948–1956 гг.)» — так называется вторая часть книги, охватывающая период противостояния Югославии и ее прежних союзников во главе с СССР. Албания в этом конфликте играла исключительно значимую роль как страна, находившаяся до этого под значительным влиянием Югославии. Третья часть, озаглавленная «Нормализация, разногласия и попытки примирения (1956–1968 гг.)», рассматривает беспокойное время, в течение которого отношения в треугольнике СССР — Югославия — Албания прошли этапы действительной и декларируемой нормализации, периодических столкновений различной интенсивности, частых попыток реального и мнимого примирения, а также долгосрочных конфликтов.

Основу данной монографии составили статьи, опубликованные ранее в российских научных журналах и сборниках¹. С учетом прошедшего времени и новой информации, почерпнутой из современной историографии, эти тексты были нами переработаны и дополнены некоторыми новыми фактами, почерпнутыми как из историографических работ, так и из архивных материалов.

Автор выражает особую признательность сотрудникам Института славяноведения Российской академии наук Александру Александровичу Силкину и Борису Сергеевичу Новосельцеву, а также

¹ *Животич А.* Югославия, чехословацкий кризис и выход Албании из Варшавского договора // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива: сб. статей. М.: РОССПЭН, 2010. С. 330–358; *Он же.* Косовская проблема в отношениях компартий Албании и Югославии на завершающем этапе Второй мировой войны // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века / редколлегия: Р. П. Гришина, Ю. В. Лобачева, Е. П. Серапионова (отв. ред.). СПб.: Алетей, 2011. С. 328–349; *Он же.* Сближение Югославии с Западом и международное положение Албании (1951–1953 гг.) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 3(1). С. 62–74; *Он же.* СССР и югославско-албанские отношения (1956–1961) // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура: сб. статей. М., 2013. С. 158–176; *Он же.* Албания и югославское видение Балканской федерации после Второй мировой войны // Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 331–360; *Он же.* Югославия и потрясения в социалистическом содружестве (1959–1961) // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте: К 60-летию Константина Владимировича Никифорова. М., 2016. С. 246–264; *Он же.* Советско-югославский конфликт и укрепление советского влияния в Албании 1948–1953 гг. // Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока. 1948–1953 гг. Очерки истории. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 326–349; *Он же.* Советский Союз и югославско-греческие отношения (1944–1949). Почему Югославия прекратила помогать греческим партизанам // 1000 лет вместе: ключевые моменты истории России и Греции. М., 2018. С. 337–358; *Он же.* Национальная «карта» в политической игре: албанское население Югославии и советско-югославский конфликт (1948–1956 гг.) // Москва и Восточная Европа. Национально-территориальные проблемы и положение меньшинств в странах региона. События. Факты. Оценки: сб. статей. М.; СПб., 2019. С. 221–239.

доценту Вятского государственного университета Алексею Александровичу Костину, выступившим в роли переводчиков моих докладов на российских конференциях и опубликованных на русском языке статей по теме этой книги; рецензентам книги — Анатолию Семеновичу Аникееву и Владимиру Сергеевичу Путятину, а также Андрею Борисовичу Едемскому, Татьяне Викторовне Волокитиной, Ларисе Альфредовне Аваковой и директору Института славяноведения РАН Константину Владимировичу Никифорову за дружеские советы и помощь в подготовке рукописи.

Эта книга посвящается памяти нашего дорогого коллеги и друга Андрея Леонидовича Шемякина, который в свое время познакомил нас (меня и моих сокурсников отделения истории филологического факультета Белградского университета) с российской историографией и открыл путь к сотрудничеству с коллегами из России.

Введение

Опыт XX века. Югославско-советские отношения (1918–1991 гг.)

В период Первой мировой войны сербско-российские отношения достигли кульминации. Российская поддержка Сербии в самом начале войны, огромная военная и материальная помощь, которую Сербия получала из России на протяжении первых двух лет конфликта, участие в боевых действиях плечом к плечу на Салоникском фронте и защита сербских интересов российской дипломатией — все перечисленное объясняет, почему Сербия искала опору в лице мощной Российской империи. Однако перемены, произошедшие в России в начале 1917 г., а также ряд событий, вызванных Февральской революцией, изменили прежний характер сербско-российских отношений¹. Революционные события в октябре 1917 г., последовавший выход России из войны предопределили будущее отношений между сербским, а затем и югославским коро-

¹ Подробнее о сербско-российских отношениях во время Первой мировой войны и политике России на Балканах см.: *Трубецкой Г. Н.* Воспоминания русского дипломата. М., 2020. С. 215–438; *Штрандтман В.* Балканские воспоминания. М., 2014; *Митровић А.* Србија у Првом светском рату. Београд, 1984; *Димић Љ., Радојевић М.* Србија у Великом рату (1914–1918). Кратка историја. Београд, 2014; *Станковић Љ.* Никола Пашић, савезници и стварање југословенске државе. Београд, 1995; *Поповић Н.* Србија и Царска Русија. Београд, 2007; *Тимофејев А., Кремић Д.* Руска војна помоћ Србији за време Првог светског рата. Београд, 2014; За балканским фронтами Первой мировой войны / отв. ред. В. Н. Виноградов. М., 2002; *Айрапетов О. Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне 1914–1917. I–IV. М., 2014–2015.

левством с одной стороны и Советской Россией — с другой. Сербское правительство сочло противоречащим интересам Сербии заключение большевиками мира с Германией. Поэтому посланник в Петрограде Мирослав Спалайкович получил указание прервать контакты с новыми властями. Ввиду того что сербское правительство формально не признало советскую власть, можно констатировать, что двусторонние отношения так и не были установлены, хотя на практике они все-таки имели место.

До подписания договора в Брест-Литовске сербское правительство пыталось наладить связь с большевиками в интересах проведения политики объединения югославянских народов, а также с целью мобилизации добровольцев и их переправки на Салоникский фронт. Что касается советской стороны, то и она не была заинтересована в разрыве дипломатических отношений. Из-за немецкого наступления на Петроград посольство Сербии эвакуировалось, а в городе остался только поверенный в делах Радослав Йованович. На работе самого посольства негативно сказалась интервенция государств Антанты, поддержанная сербскими властями, а также деятельность коммунистов-югославян. В ноябре 1918 г. Россию покинула и военная миссия сербского королевства. Йованович, получивший от советских властей разрешение на использование дипломатических прерогатив, сосредоточился на репатриации югославских подданных и воспрепятствовании их участию в интервенции². Изменение отношения советской власти к югославским дипломатам произошло в марте 1919 г. и было вызвано образованием Югославянского совета рабочих и крестьянских депутатов, заявившего о переходе под его контроль югославского консульства. В результате под угрозой оказалось и без того нестабильное положение югославских дипломатов. В течение последующего месяца Совет закрыл югославские дипломатические и консульские представительства. Таким образом, и формально разрыв

² Подробнее о разрыве дипломатических отношений с Россией см.: *Поповић Н.Б.* Србија и Руска револуција 1917–1918. Београд, 2014; *Он же.* Јован Миланковић, последњи српски дипломата у царској Русији // Српско-руски односи од почетка XVIII до краја XX века. Београд, 2011. С. 185–203.

дипломатических отношений состоялся 3 марта 1919 г. В качестве представителя при правительстве Колчака в Омске остался консул Йован Миланкович — последний югославский дипломат в России, покинувший ее в феврале 1920 г. Эвакуацию югославских граждан завершила военная миссия во Владивостоке во главе с секретарем Божидаром Пуричем. Так наступил конец югославскому дипломатическому присутствию в России. Сербский и русский народы вступили в XX в. в составе наднациональных политических образований, лишившись традиционных формальных межгосударственных связей.

Король Александр и правительство Югославии твердо стояли на позиции непризнания советской власти, а также поддерживали официальные отношения с русской эмиграцией и правительством в Омске. В предвкушении победы «белых сил» состоялось назначение на пост посланника Маты Бошковича, который в Париже ожидал развязки событий и выезда в Россию. Со своей стороны союзники Югославии подходили к проблеме куда более прагматично. Британская сторона, стремившаяся к налаживанию торговых связей с Москвой, предлагала главе югославского МИД Анте Трумбичу, находившемуся в Лондоне, встретиться с членами советской делегации именно в столице Соединенного Королевства. Сам Анте Трумбич по инициативе советских представителей встретился с ними 18 августа 1920 г. Спустя несколько дней сформированное в Белграде правительство во главе с Миленко Весничем потребовало от Трумбича прекратить переговоры с эмиссарами Москвы и незамедлительно вернуться в Белград³. По-видимому, из-за вмешательства Александра Карагеоргиевича, переговоры прервались, не успев начаться. Опасаясь того, что контакты с Советами спровоцируют рост коммунистического движения в стране, официальный Белград уже в самом начале прервал переговоры о возможном признании Советской России. Сыграли свою роль волнения и забастовки, организованные коммунистами.

³ Архив Југославије (далее — АЈ). 334 — Министарство иностраних послова Краљевине Југославије. ПО. Ф. 17. Д. 47. Телеграм Анти Трумбићу од 26. августа 1920.

Невзирая на прекращение переговоров, советская сторона, стремившаяся к преодолению международной изоляции, не отказывалась от намерения установить дипломатические отношения с югославским королевством. На руку ей была и инициатива Белграда, который с соответствующей целью направил в Эстонию собственного эмиссара — профессора Драголюбa Илича, вернувшегося из России в начале 1920 г. Народный комиссар иностранных дел Чичерин в качестве ответа на этот шаг со стороны югославов 13 октября 1920 г. призвал к установлению крепких дружественных связей и обмену полномочными представителями⁴. Следовало, забыв прежние разногласия, приступить к переговорам по актуальным проблемам. Советы свое предложение повторили в декабре того же года.

В ходе двусторонних контактов наибольшее значение придавалось проблеме русских беженцев. Переговоры о репатриации осуществлялись при посредничестве представителей Лиги Наций. При этом югославское правительство отстаивало позицию, согласно которой русские в Югославии являлись политическими эмигрантами, оказавшимися в королевстве по воле обстоятельств, и они вправе были остаться, если это соответствовало их пожеланиям. Русские эмигранты, которые после победы большевиков в Гражданской войне в несколько этапов прибывали в новосозданное королевство Александра Карагеоргиевича, обрели там не только убежище, но и свое новое отечество. Из потока русских беженцев, насчитывавшего около 2 млн человек, около 44 тыс. оказались на территории Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Югославия). Часть их продолжила путь в государства Центральной и Западной Европы, а около 27 тыс. прочно осели в Королевстве СХС, преимущественно в сербской среде.

Традиционное взаимное дружелюбие и близость сербского и русского народов, теплота сербского общества, духовное родство — все это стало причиной, по которой многие русские эмигранты выбрали

⁴ Телеграмма наркома по иностранным делам РСФСР Г.В. Чичерина представителю Королевства СХС Д. Иличу о желании Советского правительства установить дружеские отношения с Королевством СХС 13 октября 1920 г. // Советско-югославские отношения 1917–1941. М., 1992. С. 103.

Белград и Сербию постоянным местом жительства. Сербия и Югославия многим обязаны тем русским, кто трудился на ниве науки, культуры, здравоохранения, военной службы, промышленного производства, журналистики и т. д. Огромное количество памятников, художественных произведений и научных достижений служат свидетельством вклада, который русские люди самых разных сословий внесли в развитие своей новой среды обитания⁵.

Советская сторона требовала от югославской направить официальный запрос о репатриации из России граждан Королевства СХС. При этом Москва использовала представившуюся возможность, чтобы снова поставить вопрос об установлении дипломатических отношений. Премьер-министр Никола Пашич при формулировании сербской дипломатической позиции опирался на общеизвестный и неоднократно озвученный тезис о благодарности России за помощь, предоставленную Сербии в ходе Первой мировой войны. Одновременно он указал, что югославское правительство не готово признать советскую власть без гарантии реализации принципа суверенитета народа, в частности народа русского⁶. Важное место было уделено и вопросу формирования института правительственных делегатов в дипломатическом статусе, которые занимались бы проблемами репатриации русских беженцев из Югославии, а также вопросами торговли между обеими странами. Первоначально Белград предложил представителю Советской России статус делегата Красного Креста. Советское же предложение предполагало создание временных представительств аналогично тем, какие Москва уже имела в тех государствах, кото-

⁵ Подробнее об эмиграции из России в Юго-Восточную Европу и жизни беженцев в Сербии и на других территориях Королевства СХС см.: *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996; *Он же.* Руска емиграција на Балкану (1920–1940). Београд, 2006; *Миленковић Т.* Калмици у Србији 1920–1944. Београд, 1998; *Он же.* Школовање деце емиграната из Русије у Југославији 1919–1941. Београд, 2004; *Миленковић Т., Павловић М.* Беломиграција у Југославији 1918–1941. I–II, Београд, 2006.

⁶ *Krizman B.* Vanjska politika jugoslovenske države 1918–1941. Diplomatsko-historijski pregled. Zagreb, 1977. S. 74.

рые еще не признали советскую власть. Подобные миссии, пользовавшиеся дипломатическими правами и привилегиями, решали бы и проблемы репатриации⁷. В 1924 г. правительство Советской России добилось исключительного успеха в деле преодоления международной изоляции: состоялось анонсированное еще в конце 1923 г. ее международное признание правительствами Великобритании, Италии и Франции. Это значительно облегчило положение Москвы на международной арене — сделало полноправным партнером в международных отношениях. Власти Королевства СХС испытывали мощное давление белградской общественности, а также авторитетных интеллектуалов из рядов Демократической партии, настаивавших на признании Советского Союза, что соответствовало бы политике великих держав — союзников Сербии по Первой мировой войне. Казалось логичным, чтобы после признания ими власти большевиков в России этот шаг повторили бы и государства — члены Малой Антанты. В этой атмосфере официальный Белград начал предпринимать действия в направлении установления дипломатических отношений с Москвой. С 6 марта 1924 г. МИД и остальные властные структуры королевства стали считать В. Н. Штрэндмана исключительно делегатом по делам русских беженцев, находящихся в королевстве⁸.

Многие увидели в этом решении предзнаменование скорого урегулирования спорных вопросов. Однако из Москвы поступали противоречивые сигналы. Хотя советское правительство официально признало территориальную целостность Королевства СХС, Коминтерн на I конгрессе (март 1919 г.) постановил, что его следует считать творением «западноевропейского империализма»,

⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 4. Оп. 13. П. 76. Д. 1096. Л. 130. Письмо заместителя народного комиссара иностранных дел М. М. Литвинова Полномочному представителю в Германии Н. Н. Крестинскому 5 ноября 1922 г.

⁸ АЈ. 334 — Министарство иностраних послова Краљевине Југославије. ПО. Ф. 17. Д. 47. Писмо Момчила Нинчића Василију Штрэндману од 4. априла 1924; *Животић А.* Покушај успостављања дипломатских односа између Југославије и Совјетског Савеза (1923–1927) // Русија/СССР и државност Србије/Југославије. Београд, 2018. С. 319–342.

подлежащим распаду. Советское правительство, пытаясь сгладить ситуацию, опубликовало декларацию по международным вопросам, в которой твердо заявило о необходимости федерализации королевства, желая избежать там гражданской войны в будущем. Несмотря на примирительный тон этого документа, создавалось впечатление, что имеет место неприкрытое вмешательство во внутренние дела суверенного государства. Это усугубило предубеждение Белграда в отношении Москвы⁹.

В конце 1925 — начале 1926 г. югославское правительство попыталось вступить в контакт с Советами, прибегнув к посредничеству турецкого министра иностранных дел Араса¹⁰. Начавшиеся переговоры вскоре прервались из-за кампании в белградской прессе, обвинявшей Москву в подстрекательстве различных политических партий и организаций к свержению существующего государственного строя. Советское правительство категорически отвергло утверждения белградской прессы о вмешательстве во внутривосточную жизнь югославского королевства.

Летом 1928 г. Чехословакия инициировала переговоры с советскими дипломатическими представителями о возможности коллективного признания СССР государствами — членами Малой Антанты. Кроме того, Советы откровенно сигнализировали югославской стороне о готовности к установлению дипломатических отношений с королевством¹¹. Установление режима личной власти короля Александра в январе 1929 г., а также стремительные геополитические изменения в Европе наложили отпечаток на югославскую позицию по вопросу признания Советского Союза. Этот вопрос по требованию Чехословакии, полагавшей, что настало время найти его решение, снова был включен в повестку дня конфере-

⁹ *Dragović V.* SSSR. Savez Sovjetskih Socijalističkih Republika. Beograd, 1940. S. 118.

¹⁰ Запись беседы Народного Комиссара Иностранных дел СССР с Послом Турции в СССР Закин беем, 7 января 1926 г. // Документы внешней политики СССР. М., 1964. Т. 9. С. 13–14.

¹¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 141–142. Протокол № 48. 25 октября 1928.

ренции министров иностранных дел Малой Антанты, состоявшейся в Белграде в том же году. В итоге ее участники постановили, что их прежняя консолидированная позиция не подлежит изменению. В первые годы авторитарного правления короля Александра, разумеется, не могло быть и речи о признании Советов. Однако эволюция личного режима и принятие югославской конституции, а также динамичные перемены в Европе, грозившие разрушением существовавшей системы международных отношений, обусловили известные изменения внешнеполитического курса Югославии. Инициатива Муссолини создать союз четырех великих держав подтолкнула государства Малой Антанты к поиску опоры на «другой стороне», что и привело к очередному их сближению с Советским Союзом. 4 июля 1933 г. участники Малой Антанты вместе с Турцией приняли советское предложение и подписали Конвенцию об определении агрессии¹². Она стала первым документом, подписанным совместно с СССР, хотя указанные государства по-прежнему не имели с ним дипломатических отношений.

Большое значение имела конференция глав МИД стран — участниц Малой Антанты, состоявшаяся в Загребе в январе 1934 г.¹³ На ней было принято решение об установлении отношений с Советским Союзом при наличии необходимых общих экономических и политических условий. В сложившихся обстоятельствах официальный Белград решил не препятствовать союзникам в принятии соответствующих решений, однако сам предпочел на время воздержаться от официального признания Советского Союза. Начавшийся процесс застопорился после гибели короля Александра. Советский Союз, несмотря на отсутствие дипломатических отношений

¹² Konvencija o definiciji agresije između SSSR, Čehoslovačke, Jugoslavije, Rumunije i Turske, London, 4. jul 1933 // *Stojković M.* Balkanski ugovorni odnosi 1876–1996. Dvostrani i višestrani međunarodni ugovori i drugi diplomatski akti o državnim granicama, političkoj i vojnoj saradnji, verskim i etničkim manjinama. II tom (1919–1945). Beograd, 1998. S. 369–372.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 527. Л. 28. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) с указаниями наркому по иностранным делам СССР М. М. Литвинову по вопросу о возобновлении дипломатических отношений с Румынией, Югославией и Чехословакией 3 июня 1934 г.

с Югославией, ответил на призыв французского правительства и горячо поддержал проект Конвенции о международной борьбе против терроризма.

После смерти короля Александра наступил новый этап югославской политики в отношениях с Москвой. Будучи убежденными антикоммунистами, принц Павел вместе с новым премьер-министром и главой МИД Миланом Стоядиновичем отвергали формальное признание СССР, отказывались от контактов с советской дипломатией и одновременно все отчетливее дистанцировались от совместного курса Малой Антанты. В то же время князь Павел и Стоядинович не могли игнорировать растущее влияние СССР на международные отношения. Поэтому они в обход Малой Антанты, при посредничестве Турции, направили Советам послание, смысл которого состоял в следующем: хотя не существует какого-либо конфликта между Москвой и Белградом, условия для взаимного признания еще не сложились. В ответ Советы выразили сожаление, подчеркнув, что в будущем не намерены принимать каких-либо решений, направленных против Югославии и ее интересов. Со своей стороны, югославские официальные лица заявили, что Белград не присоединится к какому-либо пакту, враждебному СССР. По их утверждениям, вопрос нормализации югославско-советских отношений лишен остроты, однако признание не может состояться по той причине, что советское представительство стало бы поддерживать политическую оппозицию в Югославии¹⁴. Тайные контакты Стоядиновича с Советами хоть и не привели к долгожданному признанию, однако вывели югославско-советские отношения на уровень взаимопонимания и постепенного согласования позиций. Несмотря на отсутствие дипломатических отношений с Советским Союзом, в июле 1936 г. югославское правительство после продолжительных переговоров подписало в Монтрё Конвенцию о режиме проливов, которая имела для СССР приоритетное значение. Безотносительно того, что указанное многостороннее соглашение помимо югославов и советских представителей

¹⁴ Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Австрии с Посланником Югославии в Австрии Настасьевичем // Документы внешней политики. М., 1973. Т. 18. С. 556.